

СЕРГЕЙ ТАМБОВСКИЙ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ИМПЕРИЯ НА КРАЮ

Сергей Тамбовский
Империя на краю

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Тамбовский С.

Империя на краю / С. Тамбовский — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Первая часть цикла «Империя у края». Попаданец из 2017 в 1977 год отработал в колхозе, вернулся в город и сейчас пытается что-то изменить в жизни, своей, своего дома и своего города. Устраивает ТСЖ в своем доме, организует секцию восточной гимнастики и ансамбль, спекулирует монетами, пластинками и книгами, выстраивает отношения с партийными и силовыми органами и в результате оказывается у разбитого корыта. Содержит нецензурную брань.

Сергей Тамбовский

Империя на краю

Часть 1. Колхоз

Приезд и размещение

Газ-66 зарычал, медленно отчалил от узовского жд вокзала и, переваливаясь на ямах и колдобинах, сохранившихся здесь видимо еще со времен мамаева нашествия, неторопливо заскрежетал по столбовой трассе Горький-Саранск к месту отбывания трудовой повинности студентов первого курса Горьковского же политехнического института имени А.А.Жданова (сколько же помнится мучений стоило многим поколениям студентов политеха выведение заглавной буквы Ж на чертежах – преподавателям всю дорогу казалось, что мы ее рисуем недостаточно тщательно и без должной любви к бывшему руководителю обкома).

В кузове на скамеечках кроме меня сидел еще 21 студент, гендерный состав при этом поделился ровно пополам-напополам, 11 мальчиков на 11 девочек. Никого из них я еще по идее не должен знать, вместе мы только 3 часа в поезде ехали, но при этом я их всех знаю как облупленных, да. По часовой стрелке от кабины – Витек-Жорик-Валерон-Славик-Танюха-еще одна Танюха-Светка-Марина, ну и так далее. Вот такая амбивалентность, граждане. Тут вы наверно спросите меня, отчего же ты, Сергуня, их всех знаешь и делаешь при этом таинственное лицо? А я вам отвечу, что попаданец я, граждане, прости господи, провалился в этот 1977 год от Рождества Христова из 2017-го, прямо вот не сходя со своего рабочего места взял и попал. Только что рисовал динамику продаж и отпускных цен и составлял бизнес-план на последний квартал текущего года, закрыл глаза, чтоб отдохнуть от циферок, а когда открыл, сидел уже в кузове 66-го Газона в кирзачах, трениках и телогрейке и лет мне уже было не 57, а 17, да... вот и вся хронология попадалова, граждане судьи.

А мы тем временем проезжаем значит Починки, районный центр, состоящий по большей части из деревянненьких избышек, в самом центре впрочем имеют место пара каменных домов – райком и Дом культуры наверно. Далее Пеля-Хованская, вот уж имечко так имечко, но запоминается на раз, непонятно только от кого же и с какой целью ховалась эта самая Пеля? Сворачиваем на грунтовку и через 5-6 км она, цель нашего путешествия, деревня Анютино (Почему не село? А церкви нету, значит именно деревня), большая, под сотню домов, пруд справа, к нему ручей, через него хилый мостик. Поля налево, поля направо, до самого горизонта, не люблю я все-таки такие места, когда лес есть, приятнее глазу. Тпру, приехали...

– Здесь Анюты наверно живут? – осторожно решил пошутить я, обращаясь к соседям.

Разгружавшиеся из кузова соседи впрочем не отреагировали на это никак, да и вообще держались они все довольно напряженно, ну их можно понять, 17 лет, большинство первый раз от маминой юбки в большой мир попали, напряжешься тут... А вон там наверно магазин, он же сельпо, судя по покосившейся надписи.

– Не ходи ты в магазин, там не купишь портвейн, – сделал я второй заход и опять неудачно. Отозвался один Славик в смысле, ну какой сейчас магазин, разместиться по хатам сначала бы надо, что в общем и целом было совершенно справедливо, но скучно.

Кстати насчет размещения вскоре подошел старшОй, вспомнился он мне смутно, аспирант это был с кафедры ТОЭ (теоретические основы электротехники), если не соврать, крутил всю жизнь хвосты динамо-машинам, роторам-статорам и другим экспонатам для студенческих лаб, в принципе-то не самый хреновый мужик из всей возможной преподавательской гаммы нашего факультета. Звать его было Пал Сергеичем, если официально, но народ в основном быстро переходил на Павлика, а он не обижался.

– Значит так, – сказал Павлик, – делимся на пятерки и заселяемся по 5 душ во-он в те четыре избы, с 15 по 21 номера. В последние 2 избы по 6 душ, – добавил он, подумав, – а то все не влезете.

– Мальчишки естественно с мальчишками и наоборот, чтоб не смущать противоположный пол видом своего нижнего белья, – еще добавил Павлик. Девчонки захихикали.

Начали делиться, ну а мне-то все равно было, с кем жить, так что никакой инициативы я проявлять не стал, стоял себе как майская роза и ножкой ковырял грязь в колее. Поделились и без меня – я попал в компанию к упомянутому уже Славику плюс Валерыч, Витек и Жора-грузин. На грузина кстати Жорик всегда обижался и уточнял, что он просто живет в Грузии, а так-то он грек. Ну грек, значит грек, хотя на грузина он конечно больше походил.

Пошли устраиваться на ночлег в избу бабы Кати, крепкой еще такой женщины между 40 и 50, с ней жил еще сынуля по имени Антоша, нашего примерно возраста, тоже крепкий пацанчик с лицом, не обезображенным так сказать интеллектом (напрягшись, вспомнил разборки с ним на абсолютно пустом месте). Поздоровались, баба Катя повела в большую комнату, сказала, чтоб мы выбирали места – там стояли 2 кровати, на них по двое можно спать, сказала, а один сюда, на кушеточку. Я сразу рюкзак на эту кушеточку и поставил (спать с мужиком под одним одеялом это для меня, испорченного пропагандой 21 века, было как-то чересчур), возражений вроде не последовало. Остальные согласились на койки, все железные, с пружиной внизу и шариками сверху, классика развитого социализма.

Еще в этой комнате имел место проигрыватель типа Мелодия и куча пластинок рядом, Антоша видимо увлекался (я мельком проглядел пластинки – советские исполнители типа Поющих гитар плюс Мирей Матье плюс пара миньонов Высоцкого), этажерка в углу, вазочка с искусственными цветами на окне, икона, задернутая занавесочкой, печка голландка, в дополнение к основной на кухне-столовой, все вроде... а нет, еще кошка серо-белого цвета выглядывала из-за голландки. Хозяйка предупредила, что кошка полудикая, так чтоб не лезли гладить – мышей-то она ловит, но руки и все остальное расцарапает мигом, если приставать будем. Ну не гладить, так не гладить, ок.

Поинтересовались насчет удобств, в смысле где сортир с умывальником – умывальник в сенях показали, а сортира как такового, сказали, нету, любое место на огороде выбирайте. Ну бывает и так конечно.

Все вроде разместились, все вроде утряслось, время далеко за полдень, надо бы вроде и пищу какую принять – спросил у пробежавшего мимо Павлуши насчет пожрать, он отмахнулся, что мол в первый день сухим пайком обойдетесь. Где брать сухпай, он сказать не успел, быстро очень пробежал. Ладно, присел на завалинку нашей избы, вот уж чего-чего, а завалинок у нее с трех сторон было очень много, и раз появилось свободное время, можно и поразмышлять о делах наших скорбных...

Ну здравствуй, 77-й год, год так сказать 60-летия Великой Октябрьской так сказать революции. Хелло и вы, кореша по последующей затем 5 лет учебе. Нихао и тебе, деревня Анютино на краю области и цивилизации заодно. Анята? Я тут, ага. Я же Нюра, я же Нюша, я же Ася, я же Анна Каценеленбоген... Анютины глазки еще знаю, кажется видел по дороге в каком-то палисаднике. Здоровеньки булы также мои 17 лет, кои теперь не на Большом Каретном, а где кстати? А-а-а, вон табличка висит, на улице Советской естественно. Ничего нигде не болит, зубы почти все на месте, глаза вот хреноватые, ну да это дело десятое. Короче, как говорил великий агент 007, жизнь, детка, дается тебе только дважды и надо ее прожить, чтоб не было мучительно... ну просто не было чтоб и точка на этом.

Проживем, Сергуня? А то как же, Сергуня. Есть ли у вас кстати какой-либо план безмучительного прожития, мистер Сороколет (забыл представиться – Сергей Сороколет, да)? Есть, и даже не один, куча планов у меня есть... хотя не помешал бы и еще один планчик-конспектик, такой свернутый в косячок, ну нет так нет, где его тут возьмешь на границе Нижего-

родской и Мордорской, ой Мордовской губерний. Вон кстати если обойдешь магазин и пойдешь напрямик по черноземам, то через часик выбредешь в Мордовию, ну это если очень захочется, хотя что там делать, сказать сложно, тут вот, насколько я помню, мордвой детей пугают, что заберет, если слушаться не будешь...

Так что там насчет плана-то, мистер Фикс? Ну будем пока что выживать во враждебном окружении, мистер Фикс, для начала надо бы хотя бы не спалиться на мелочах, а там видно будет. Размышления мои прервал Славик, пригласил меня сходить в магазин за чем-нибудь для подъема настроения. Он похоже посчитал тут себя главной лягушкой в этом болоте, а меня за помощника взять. Ну а чего, я не против, пусть побулькает, а я погляжу.

– А кэш для подъема у тебя есть? – сходу начал палиться я.

– Какой еще кэш? – недоуменно ответил Слава.

– Ну налик, мани, лавэ, бабло – рубль хотя бы у тебя имеется?

– Рубль есть, – обрадовался знакомому слову Слава. – А если ты еще добавишь, то на пузырь бормотухи аккуратно хватит.

– А хрен его знает, чего у меня там есть, – задумчиво ответил я. А ведь и верно, надо инвентаризацию имущества провести, пригодится.

Посмотрел в карманах ватника, чего там мне родители положили, о, кошелек обнаружился, а в нем зелененький трояк, синяя пятера и оранжевый червонец с Ильичем, до чего ж они все маленькие по сравнению с российскими, аж жуть, на игрушечные похожи, но уж что есть, то есть, выбирать не приходится. Это конечно хорошо, что бабло мне положили, но на будущее надо бы озаботиться собственными средствами, у родителей тянуть копейки это совсем уж последнее дело, граждане присяжные.

– Итить-колотить, – воскликнул на радостях Славик, – погнали в гамазин, там закупим портвейн! – творчески развил он мою недавнюю мысль.

– Эй, ты погоди гнать-то, может экзит-пулл какой сделаем и тогда уж купим, чтоб на всех хватило, устроим так сказать, новоселье, а? – продолжил активно палиться я.

– Слова ты какие-то странные говоришь, что за пулл такой?

– Ну это по-английски так называется опрос общественного мнения. Ты же не против опросить мнения своих так сказать односельчан по деревне Анютино?

Слава высказался в том смысле, что он всегда только за, и мы пошли устраивать опрос общественного мнения относительно портвейна... Мнения впрочем не слишком разделились, все были горячо за, только у девчонок в глазах явно читались опасения, а что старшие товарищи в лице Павлика не поймут. Павлика я взял на себя – поймал его на бегу между севером и югом Анютина и прямо спросил, не возникнет ли каких проблем, на что Павлик, помявшись для приличия, выдал чеканную фразу 'Пить нельзя, но чтоб пьяных я не видел', ну и слава богу.

Собрали значит у народа в общей сложности 12 рублей с полтиной, плюс славин рупь и моя трешка – итого хватило на две Русских водки за 3,62 и 3 пузыря Агдама по 0,7 (портвейн на удивление там оказался аж 3-х видов – еще и Азербайджанский, и 3 топора стояли). В магазине продавщица покосилась на меня со Славиком не так, чтобы приветливо, но в продаже не отказала (а в 17 году паспорт бы поди спросили), так что закупленное до всей честной компании донесли мы без проблем. Еды решили не покупать, все равно ведь каждому в рюкзак чего-то родители положили, не пропадать же добру. Некоторое время думали, где рассесться, к единому решению не пришли, но тут я предложил как вариант пикник в форме опен-эйра (пришлось пояснить, что это за зверь) и все дружно потянулись в ближайшую рощицу, благо погода стояла отличная, бабье как-никак лето на дворе.

Пьянка прошла достаточно удачно, да, никто не нажрался сверх меры, никто не полез в драку, деревенские ребята тоже пока не докучали (а они ой как могут), водка была арзамасская, лучший по тем временам вариант, вот ветлужская это было что-то с чем-то, в

народе ее сучком называли и сильно подозревали, что гонят ее из ветлужских опилок, в той стороне как раз много лесопилок стояло, и еще Сормово было, это был как бы промежуточный вариант, ну как английская команда Тоттенхэм, которая сейчас эталон для «ни то, ни сё». А Агдам Агдамыч (его тоже попробовал) оказался вовсе не той гадостью из анекдотов, а вполне пристойным продуктом с цветочно-виноградным таким послевкусием.

Я не высывался выше других, зачем, только когда по кругу представлялись, это Жорик придумал, ну там как зовут, где учился, да пару слов про себя в свободном стиле, я вместо этих слов выдал пару рифмованных строк экспромтом, как-то так:

Я студент, зовусь Сережка,
Не смотрите на одежду,
У меня в кармане трешка

И да, среди нас неожиданно оказалась студентка 3 курса меда, звать Ириной, натуральная блондинка с короткой стрижкой, вызывающей жгучие эрогенные фантазии челкой и великолепной фигурой, которую не портил даже бесформенный ватник. Ее приставили к нашему отряду на случай если чего вдруг случится – ногу кто сломает или ОРЗ, оказывается была такая практика, а я уж и забыл. Короче выделялась она среди наших девочек как белоснежный орлан мать его белохвост в стае ворон. Ну какие девочки идут в технический вуз, вы наверно не хуже меня знаете, а тут значит такая модель... На Ирину все наше мужское население смотрело понятно как, только что язык набок не свесив, а женская половина смотрела тоже понятно как, но со знаком минус – с плохо скрываемым раздражением. Я смотрел примерно так же, как и все парни, язык только во рту держал, но в душе-то понимал конечно, что эта цыпа не про меня – в 17 лет разница в 2 года да еще в плюс это пропасть...

Картошка и музыка

Проснулся я от того, что меня толкал в бок Павлик, приговаривая, что пора мол, сельхоз-угодья ждут. Встал, на удивление ни грамма похмелья не почувствовав, и пошел совершать утренние процедуры. Потом сел на завалинку и пожалел, что не курю – самое бы время затянуться, но наверно не стоит начинать. Сидя и тупо смотря на черноземную грязь на дороге, внезапно пришел к решению заняться физической подготовкой, это ни разу не помешает в дальнейшей жизни, да, раньше-то я активно всяким разным спортом занимался. Хотя бы пробежку надо делать да несколько отжиманий-подтягиваний, если найду на чем, да растяжку подтянуть.

Через десяток минут подтянулся Валера, длинный такой и нескладный чувак с навечно приклеенной ухмылкой в углу рта. Нет, человек-то он был неплохой, но уж очень беззубый, постоять за себя с большим трудом мог. Потом появился грузинский грека Жорик и позвал завтракать, баба Катя уже типа все на стол поставила.

Завтрак состоял из мясного супа с картошкой (картошку на колхозном поле брали, видимо подразумевая, что все вокруг колхозное, все вокруг мое, а мясо ей специально выделял колхоз для нашей кормежки и еще денег приплачивал, так что тут за право приютить студентов немалые баталии разыгрывались, я так думаю). Суп был в большой 3-литровой миске и нам значит предлагалось хлебать его всем вместе, никакой индивидуальной посуды предусмотрено не было.

Ну это не дело, подумал я, гигиену и все такое надо как-то минимально соблюдать, и потом, что мы, свиньи что ли, хлебать из одной кормушки – надо будет купить в сельпо самых дешевых тарелок. Но на первый раз пойдет конечно и так. Забегая вперед, скажу, что все наше меню на протяжении предстоящего месяца будет состоять из этого супа утром, днем

и вечером, только днем еще жареная картошка добавится. Нет, суп вкусный, вопросов нет, но разнообразить питание все же как-то надо, подумаю об этом попозже...

После завтрака выползли на улицу, тут ко мне подошел Витек и сказал:

– Хочешь прикол?

– Ну ясен перец хочу, прикалывай, – ответил я.

– Председателя нашего колхоза зовут Пугачев. Нет, не Емельян, Степан Андреич, – добавил он, предвидя мой вопрос. Быстрая соображалка у парня, молодец.

– Ну Пугачев так Пугачев... родственник Аллы Борисовны?

Этого, как видно, Витек не знал, поэтому ушел от ответа, а просто достал сигаретку и закурил, мне не предлагал, знал уже, что я к этому делу равнодушен.

– Что курим? – спросил я чисто в режиме поддержания диалога.

– Да вот... Прима... елецкая.

– Ага, знаю, Прима-Елец, покуришь и п.ц, – вспомнилась мне известная приговорка. – И еще знаю, что такое Золотое кольцо России, это Прима-Елец, Астра-Погар и Беломор-Усмань, можно такую рекламу забабахать, что закачаешься.

У меня в мозгу тут же проплыл возможный видеоряд к такой рекламе, наложенный на музыку допустим Богдана Титомира. Потряс головой, картинка рассыпалась – не время сейчас рекламы сочинять, меня ждут необозримые, как пустыня Кара-Кум, картофельные поля, труба так сказать зовет и ведет.

Через полчаса подъехал газон, на этот раз не 66-й, а 53-й, в кузове уже лежали наши орудия производства, ведра специальные оцинкованные объемом 12 литров, если не ошибаюсь. Залезли в кузов (это была не такая уж простая процедура, девочки только с нашей помощью туда смогли запрыгнуть), поехали на поля. По дороге мимо мелькнула ферма, закиданная навозом до крыши, потом небольшой прудик, я отметил, что здесь можно бы водные процедуры совершать, потом сразу картошка с морковкой пошла. Ехали минут 10-12, я сразу прикинул, что если это пешком одолевать, то полчаса затратишь, не страшно, если вдруг машина сломается.

Картошка была уже выкопана трактором, надо было собирать ее в ведра, а из них высыпать значит в кузов газона, пока он не переполнится, дело абсолютно нехитрое, но сука утомительно-однообразное... или однообразно-утомительное, с какой стороны подойти. Специальный обученный товарищ от колхоза определил нам фронт работ – махнул рукой, мол отсюда и дотуда, пока поле не кончится, а как кончится, новое вам найдем, а потом уехал на узике по другим неотложным делам.

– Ну чо, вперед что ли, колхозники, – упавшим голосом сказал я и взялся за ведро.

Первый день тянулся страшно долго, обед нам привозили прямо на пашню, но многие даже есть не могли, так спина болела с непривычки. Сколько я помню, эти поясничные боли должны пройти не раньше, чем через 3 дня, а пока терпите, братья и сестры, терпите, как завещал нам понятно кто.

Зато голова была полностью свободна, так что было время пораскинуть так сказать мозгами. Я и пораскинул... будем по умолчанию считать, что завис я здесь капитально и надо как-то благоустраиваться в новом теле и новом времени... песенную карьеру я отмел сразу – слух какой-то у меня был, но голос откровенно козлий, на баяне учился играть в музыкалке, но как-то эстрадой не проникся, хотя если напрячься, то вспомнить парочку шлягеров смогу конечно.

Еще чего? Пляски? Ну может быть, дело нехитрое, не будем пока задвигать на дальнюю полку в холодильнике... Литература? Этим делом я всегда живо интересовался. Сейчас, как я помню, в Союзе информационный голод, любую книжку любым тиражом (ну кроме идеологии конечно и речей Леонида Ильича) с прилавков разматают мигом. А есть еще такие книжные

рынки, они же толчки, где за несколько номиналов можно все купить, за исключением откровенной антисоветчины конечно, за нее реально сажают, но это мне и неинтересно ни разу.

Вернулись по домам к 6 вечера, поели стандартный суп, и тут Витек врубил свой кассетный Романтик, а в Романтике был конечно же БониМ, ну что же еще – они же всю первую десятку советского хит-парада тогда занимали. Ро-ро-роспутина они еще кажется не сочинили к 77 году, но Санни, Дадди кул, Февер и Ма Бейкер у Витька были в наличии, да. Музыка у них зажигательная, не шедевр конечно, но в колхозе самое то...

Слушая в 3-й раз про мамашу Бейкер, я философски заметил в непобеленный потолок, что мол вот какие люди в Чикаго раньше водились, на что Витек попросил у меня объяснений:

– При чем тут Чикаго, там разве не про пекарей поется?

– Ну вообще-то бейкер это пекарь, правильно, но в этой песне это как бы совсем не профессия, а фамилия дамочки, а ма это сокращение от мамы. Сколотила короче мамаша Бейкер там у себя в Чикаго бандформирование из себя и своих 4-х детишек и грабила чикагские банки несколько лет без перерыва. За что удостоилась от ФБР титула моуст вонтед или наиболее разыскиваемой по-нашему. Короче песня протеста это, ага. Говорят музыкальную основу Бониэмы переперли с какой-то народной песни, ну а текст их конечно.

– Слушай, откуда ты так хорошо английский знаешь?

– Да какое там хорошо, так, нахватался кое-чего по мелочи...

– Ну тогда и остальное переведи.

– Да не вопрос, делать все равно нечего. Начнем, с Дадди кул? Ну ставь, а я сурдопереводчиком поработаю. Она без ума от крутого дяди, я без ума от крутого дяди. Дядя, дядя крут. Далее сплошные повторы идут. Туповатая песня и с нехорошим подтекстом – дадди у них там называют пожилого содержателя юных девиц. Но заводная, так что сил нет, этого не отнять.

Санни? Ну там девица благодарит своего друга в поэтических выражениях, называя его солнцем, типа вчера был дождь, а тут ты пришел и все заиграло и стало хорошо. Припев – Солнце, важно только то, что я люблю тебя. Тоже старая-престарая джазовая песня, заново аранжированная Фарианом, а поди ж ты как взлетела.

Февер? Лихорадка в переводе – ну тоже ничего сложного, подруга признается, что от своего друга она в полной лихорадке, и утром в лихорадке, и всю ночь тоже. Но тем не менее ждет его не дождется, не пугает ее эта лихорадка. Больше ничего там нет.

– А про сам Бониэм ты тоже наверно что-нибудь знаешь, расскажи?

– Там все очень просто – жил-был в Германии такой музыкальный продюсер Френк Фариан, писал музыку, сам чего-то пел, организовывал группы, которые имели какой-то успех, но на локальном так сказать немецком уровне, а в 74... или 75 году вдруг услышал ямайские мелодии и сразу понял, что это его шанс, творчески переработал и записал несколько песен, а потом уже решил сделать аутентичную ямайскую группу, потому что немец, исполняющий ямайскую музыку, это смешно и бездарно. Нашел певицу Лиз Митчел и еще одну певицу... забыл как ее... а Мэйзи Уильямс и мужик этот кудрявый, как его... Бобби Фарелл... это танцоры, они не поют, если в песне есть мужской голос, значит поет сам Фариан. Ну и дальше Фариану поперло – самая крутая группа получилась за последние лет 10. И через 40 лет их песни петь будут, отвечаю.

Парни несколько минут сидели молча, тупо переваривая большие объемы информации, потом Витек робко спросил, что я знаю про Глорию Гейнер, на что я ответил – вроде что-то слышал, в аварию она что ли страшную попадала, и после этого сочинила автобиографическую песню «I will survive», что значит «Я выживу»... и еще что-то было, но давай про нее уже завтра.

Яблоки и драка

С утра позавтракали (я сделал себе зарубку, что наконец пора тарелки прикупить, в обед схожу, а то вечером могу и не успеть в ихний магаз, закрываются они рано), потом было полюшко-поле, в виде разнообразия на этот раз нам досталось морковное. Все остальное было без изменений – тот же 53-й газон, те же 12-литровые ведра, та же ноющая боль в спине, под вечер правда она вроде как стала успокаиваться, привыкание наверно пришло.

В обед нас привезли обедать по домам – сбегал в сельпо, тарелки там были, со страшными красно-синими розочками, ну выбрал из них 5 штук по 70 коп, принес. Народ на меня воззрился с недоумением, мол чего ты как последний буржуй, я вяло отбрехался, что мол гигиена, борьба с антисанитарией и все такое, но меня кажется не поняли. Разобрать тарелки однако народу это не помешало.

Вечером ходили смотреть окрестности, набрали на заброшенный сад, видимо колхозный когда-то был, пара тысяч яблонь на первый взгляд, яблочки на большинстве в дички выродилось, мелкие и кислые, но если поискать, можно было и крупные антоновки найти. Нашли, обтрясли, сложили в 2 снятые фуфайки, часть по дороге отдали девчонкам, остальное себе взяли.

Когда до дому дошли, до нас докопался Антоха, сын хозяйки, здоровенький и крепенький такой парнишка с задорным румянцем во все щеки, он предварительно заложил где-то за воротник с друзьями, а к нам пришел уже без друганов, здорово поддатый и в поисках приключений. Увидел яблоки, сильно обиделся, дескать это их яблоки, колхозные, а не для вас, чистеньких городских мальчиков. Ну и начал по очереди вызывать всех на честный кулачный бой, размахивая своими немаленькими кулаками.

– Пойдем, – говорил он, – во чисто поле. Неча тут наши яблоки жрать. Выходи один на один ,кто смелый. А то как щас заворопячу, – и наглядно демонстрировал в замедленном темпе, как он будет заворопячивать, смотреть на это было страшновато.

Смелых что-то не находилось, никто идти с ним не хотел, но мне он надоел настолько безмерно, что когда он зашел на третий круг вызываний, я сказал – а пойдем. И добавил – только где ж ты его найдешь, чистое поле, кругом грязи одни. Антоша ненадолго завис, но скоро опять включился и сказал что-то вроде – шибко умный, да? пасть свою закрой и пошли давай, раз вызвался.

Не то, чтоб я каким героем был, а просто стыдно стало такой вот серой мышкой сидеть. Когда-то лет 15-18 назад я серьезно занимался китайским у-шу, а конкретно его разновидностью под названием тайцзи-цюань, вообще-то это оздоровительная гимнастика, но приставка «цюань», что значит «кулак», говорит, что не все там так просто и оздоровительно. Я даже сдал, как мне припоминается, пару экзаменов по этому цюаню, и сдал даже на не совсем плохом уровне, поэтому надеялся, что сразу он мне не заворопятит, попрыгаю-побегаю-поуклоняюсь, а там видно будет.

Вышли значит на двор, между избой и сараем была относительно ровная и даже не очень грязная площадка с травой, вот это пусть и будет на сегодня чистым полем, сказал я Антоше. Он не нашелся, чего возразить и сказал, хрен с ним, пусть. Обитатели нашей избы естественно вышли следом.

– Вон Славик пусть секундантом будет, – вспомнил я про правила дуэли. – И еще, деремса до первой крови. Если кто скажет 'сдаюсь', поединок тоже прекращается. По яйцам не бить. Других ограничений нет. Идет?

Антоша кивнул головой и снял фуфайку, я то же самое сделал. Мда, соперник-то мой килограмм на 10 тяжелее будет и мышцы вон какие серьезные, если он в меня попадет, бой-то пожалуй сразу кончится. Ну чего, встал в стойку, жду действий противника.

Антоша не мудрствуя лукаво рванул ко мне с одновременным замахом правой, целя прямиком в нос, я с большим трудом ушел вниз и в сторону, думая, придет мышечная память или таки нет. Далее он продолжил наседать, рассекая воздух кулачищами, один раз достал таки

меня, гнида, в левую щеку попал, но я как-то устоял на ногах. Крови не появилось, так что бой продолжился. Дело плохо, подумал я, еще раз попадет и труба, и тут во время очередного удара вдруг вспомнил, что надо делать – заплел его правую руку своей левой и выполнил бросок через колено.

Он перекатился пару раз по траве, сел, потряс головой и снова ринулся на меня. Мне это надоело и я после очередного нырка под его мах тупо пнул сапогом ему по колену. Антоха взвыл и запрыгал на одной ноге. Я толкнул его в бок, он завалился и рухнул у стены сарая, выкрикивая разнообразные ругательства, что я мол правила нарушил.

– Ниче я не нарушил, запрета бить по ногам не было, – сказал я и добавил – Ну чо, ты встать-то сможешь? – осторожно спросил я.

Антоха не мог.

– Бой значит прекращаем? А ты молодец, здорово дрался, – заметил я, поглаживая левую щеку, – вон как мне заехал. Чуть точнее бы попал, тут мне и кранты. Давай руку короче, ничью предлагаю (вот только не хватало мне кровного врага поймать на ровном месте, надо ж как-то налаживать отношения).

Антоша подумал и согласился. Массовка выразила горячее одобрение.

Зарядка и рассказ о группе

Утром проснулся в 6, сна ни в одном глазу, поморгал... левый глаз таки подзаплыл и посинел, ну да ничего, бывало и похуже. Вспомнил собственный зарок заняться тренировками, оделся, вышел в огород. Пробежками я заниматься, уж извините, не стал, памятуя о многочисленных собачках во дворах, попрыгал, поотжимался, поприседал, потом стал вспоминать незабвенные 24 каты... с грехом пополам вспомнил, поглаживание гривы дикой лошади, расправление крыльев аиста и поигрывание на лютне (блин, узнать бы наконец, что это за зверь, лютня) прошел, внутренне чертыхаясь от растущего кругом репейника, все штаны в репьях, а когда дошел до хватания птички за хвост с левой стороны, в наш огород от соседней с заливи-стым лаем выкатилась маленькая кудлатая собачонка и захотела схватить меня за ногу.

От ее зубов я конечно увернулся и хватать себя не дал, а вместо этого отвесил ей серьезный такой поджопник – она отскочила в дальний конец огорода и зашлась совсем уже в неприличной истерике. О продолжении тренировки речи быть, как вы сами понимаете, не могло, и я скоренько ретировался в свою избу. На ходу сочинился стих:

Не удалось в такую рань
Заняться мне тайцзи-цюань.

После завтрака нас послали на свеклу (ударение на последнем слоге) – ну надо ж третий день ездим и все в разные места. Интересно кстати, нет ли у них тут чего-то аккордного, что можно было бы ударно сделать за неделю-две и уехать домой, а то сидеть здесь строго месяц мне не очень улыбается? Оставил мысль в дальнем углу мозговой коробки перевариваться...

Свеклу (ударение на последнем слоге) собирали совсем таки не так, как предыдущие сельхозкультуры – не выкопана она была и ее надо было дергать за ботву, это раз, и привезший нас газон сразу уехал, бо делать ему тут было нечего, мы складировали выдернутое в круглые такие бурты, прямо с ботвой, это два. Чего с ней дальше делать будут, понятно было не очень, да и не очень-то интересно, нам вот определено поле от бригадира и до горизонта, надо его окучивать.

Ну здесь хоть спина не так уставала, наклоняться же надо было не до самой земли, а до уровня выросшей ботвы, а она на полметра и выше вымахала. Кстати далее, как я понимаю, свеклу повезут на сахарный заводик, сколько мне помнится из дальнейшей жизни, был в этом

районе один такой. А сахар потом на самогон перегонят. Наверно. А самогон выпьют и будут плясать русские народные пляски. Тоже наверно.

Ну а пока свои чередом идет сельхозработа, давайте я вам представлю личный так сказать состав нашей группы 77-ТК-3 (ТК это техническая кибернетика, да). Итак мальчики слева направо:

– Славик Яшин – рослый такой и физически развитый блондин, неформальный лидер, не дурак выпить и закусить, среди нас он похоже один имел сексуальные контакты с противоположным полом, мать у него умерла, живет с отцом (который тоже скоро умрет) в рабочем районе в сталинке, мы у него потом часто зависать будем

– Валера Жарков – длинный как жердь, 195 см, и добродушный чувак с неизменно приклеенной ухмылкой в углу рта, отец у него военный моряк с весьма отдаленной базы на Северах, Валера приехал сюда к брату

– Витя Калинов – маленький, шустрый, остроумный, приехал в Горький из областного городишки, живет в общежитии

– Жора Хачапурис – грузинский грек... ну может греческий грузин, хер его знает, что занесло его к нам, родители у него люди небедные, могли бы и в столицу или там Ленинград-Киев пристроить, но вот не пристроили. Над ним постоянно кто-то прикалывался, но был он человеком абсолютно незлобивым и добрым и реагировал он на приколы добродушной улыбкой. А что он при этом был тупым как сибирский валенок, так у каждого свои недостатки.

– Сережа Мордовин – еще один рослый блондин с выдающимся носом, местечковый можно сказать Казанова, ага, одни бабы у него на уме всю дорогу были.

– Саня Русаков – простой деревенский парень, кстати мордвин (вот странно выходит – Мордовин у нас на 100% русский, а Русаков натуральный мордвин, меня всегда занимала такая игра слов)

– и еще один Саня, Фомин – он у нас вылетел после первого семестра из-за безграничного раздолбайства, граничащего с долбо...ством (кстати вместе с Русаковым), так что его я не очень хорошо помню

– Алик Кузин, вообще-то Альберт, но приклеился к нему этот Алик... ну Алик и Алик... выпил шкалик... нечего больше сказать

– и два Сергуни еще у нас есть, Тимохин, потомственный турист, и Лашков, отличник боевой так сказать и политической... ну просто отличник.

Ладно, девочек потом представлю, а то как-то длинно получается. Кстати, пока мысленно представлял народ, само собой сочинилось такое вот:

Уже село Анютино
Наскучило до жути нам.

Продекламировал коллегам – удивились и сказали, что давай еще. Да не проблема, держите:

Репу чешет Никодим,
Удивлен и Кузька,
Русаков у нас мордвин,
А Мордовин русский.

Даже захопали. Я шуточно поклонился, прижав руку к груди. Спросили, что за Никодим с Кузькой – ответил, что имена условные, символизируют русскую глубинку и более никакого смысла не несут.

Дальнейшее было малоинтересно – ну свекла, ну бурты, ну Витек споткнулся о кочку и проехался носом по земле, вот и все черноземные приключения.

Вернулись по домам к шести, хотел было портвейном развлечься, но что-то не нашел сочувствующих, плюнул. До ночи играли в преферанс и в кинга, без денег, малоинтересно. Я выиграл 2 пули. Потом Валерой начал много говорить, как задолбали его сельхозработы и как хорошо было бы, если б их совсем не было, а я поспорил с ним по этому вопросу.

– Видишь ли Валера, – начал я издавека, – с одной стороны ты конечно абсолютно прав и картошка эта выглядит диким анахронизмом... в Китае во время культурной революции студентов туда посылали, больше вроде нигде... но надо ж смотреть на вещи ширше (а к людям мягше? – тут же среагировал Валера), ну да и мягше тоже. Вот сам посуди, сидели б день деньской мы в аудиториях ГПИ им Жданова, лекции бы отслушали, лабы сдали, семинары провели и по своим норам, да? Совместных переживаний или там преодолений трудностей никаких, общего очень мало. На такой режим, к слову, наша высшая школа выйдет лет через 15, это мой личный так сказать форкаст (видя непонимание в лице Валеры, тут же добавил – ну прогноз значит). А у нас тут в Анютино посредством преодоления и превозможания всевозможный трудностей и разного рода нелегкостей происходит так сказать сакральный процесс тимбилдинга, ну коллективно-образования по нашему. Короче как говорили наши предки, если вместе пуд соли съедим, будем не разлей вода.

Валерон долго молчал, проникался видимо, потом выдал:

– А я соль не ем.

– Что, совсем не ешь? Ну хорошо, не соли, картошки.

– Но ты ж сам недавно всем сказал, что насто..лю тебе Анютино, не?

– Это в стишке-то? Ну там чисто для рифмы пришлось вставить, а на самом-то деле мне Анютино очень даже нра...

На этом спорт сам собой увял и четвертый день плавно перешел в ночь.

Сено и форс-мажор

Следующий день снова не стал исключением из предыдущего тренда – нас опять кинули на новую работу, сгрести сено в стога. Выдали вилы в руки и вперед, накалывай на него сено и неси в к стогу. Работа хоть и не такая утомительная, как собирание картошек в житницы, но удивительно скуко однообразная, плюс следить надо все время, чтобы вилами кому в бок не заехать.

После очередного цикла накол-проход-заброс я встал в позу гладиатора, слегка отставив в сторону вилы, и спросил у Таньки-маленькой: – Похож я на журнал Крокодил? Имея ввиду рубрику 'Нарочно не придумаешь', там примерно так черт с трезубцем стоял. Танька-маленькая похлопала глазами и сказала, что на придурка с вилами похож, а на Крокодила не очень.

Кстати о девчонках – 11 штук их значит в наличии, справа налево:

– упомянутая Танька маленькая и где-то рядом с ней обязательно должна быть Танька-большая, они всегда парой ходили, обе черненькие, смешливые и страшные, как смертный грех

– Надя и Нина, одна из Воронежа к нам приехала, другая аж из самого Фрунзе Киргизской ССР (теперь он Бишкеком что ли называется) – живут, как вы сами понимаете, в общежитии в одной комнате, обе беленькие, Нина с небольшим восточным колоритом, глаза удлиненные, вроде не дуры, но все портят ноги, у Нади кривые кавалерийские, у Нины ну очень здоровые, спортом она каким-то занимается типа ядро-толкания

– Марина, туристка, пара в сапог Сергуне Тимохину, вместе они по разным турслетам и Звездочкам всю дорогу шарились, хозяйка дома, где она жила, мгновенно определила ее в

шалавы, так и говорила все время «где это шалава Маринка?», хотя ничего особенно шалавистого я в ней никогда не находил

– Светка, дочь нашего декана между прочим, но так сразу и не скажешь, что дочь, зашуганная она какая-то, всего боится, но на лицо даже вполне симпатичная, только не горбилась бы и поживее себя держала бы, но она горбилась и всего на свете боялась... ага, Света боялась всего на свете

– Ира, высокая, черненькая, из деревни, больше ничего не могу сказать

– Тамара, Роза, Лариса и Оля – совсем какие-то одинаково никакие подружки, они, если я все правильно помню, паровозиком вылетят из института после первой сессии, там на экзамене по вышке будет зверствовать такой доцент Миндалев (вот если вдуматься, нахрена будущим системотехникам вот эта высшая математика, все эти диффуры, интегралы по замкнутому контуру, теория вероятностей и теория множеств – даром они сто лет не упали в системотехнической деятельности, а вот поди ж ты, вышиб из-за нее Миндалев 7 человек... или даже 8, забыл... как нечего делать...)

Ну и еще с нами в этот раз Ирина-медичка собралась, до этого она в деревне оставалась, уж не знаю что там делала, а сегодня залезла в кузов и поехала, как будто так и положено. Ну и хорошо, есть хоть на чем глазу отдохнуть.

Ирина кстати взяла вилы, как все, и честно отработывала, как все, так что никаких претензий к ней не могло быть. Обед прямо на поле привезли. Перед тем, как взять в руки ложку, продекламировалось как-то само собой:

Вилы в сено, ложку в руки -
Вот гарантия от скуки.

А когда после принятия пищи все разлеглись на том же сене для послеобеденного перекура, мне как будто обухом по голове стукнуло, мы же приехали сюда 2 сентября, да, а сегодня пятый день, как мы тут торчим, значит какое сентября? Правильно 6-е. А 8 сентября 1977 года, послезавтра значит, насколько мне помнится, в славном городе Тамбове должен утонуть дядя Миша, родной брат матери значит...

В то время, как одна половина моего сознания бубнила, что мол значит судьбина у него такая, сиди ты, Сергуня, на своей картошке и не рыпайся, вторая половина четко и членораздельно отчеканила – ну же, попаданец херов, если ты даже родственника своего спасти не сможешь, как же ты страну собираешься спасти? Робкие попытки первой половины перейти в наступление, кто мол сказал, что я собираюсь что-то там спасти, были разбиты как фашист под Сталинградом – есть такое слово 'надо'... есть правда еще слово 'не надо', но оно тут совершенно не к месту.

Значит решено, спасаем дядю Мишу. Тут наверно надо бы сказать пару слов, кто такой дядя Миша. Сложная у него биография была, честно скажем – 26 года рождения, в войну успел повоевать в самом конце, мобилизовали его в 44-м, потом полгода на курсах, на фронт попал в итоге в феврале 45-го, ну да ему хватило, получил свою пулю в легкое под Инстенбургом (ныне Черняховск) в Восточной Пруссии и провалялся в госпиталях до мая. Медаль 'За отвагу' впрочем успел получить и комиссован не был, ранение не такое уж страшное оказалось.

Потом были курсы КГБ (оно тогда МГБ кажется называлось), потом Китай, несколько лет сидел где-то там в советниках, пока Мао не победил, потом Чукотка, даже и не знаю, что он там делал, приходили от него в посылках банки с икрой, обмотанные изолентой, чтоб не разбились. Ну и еще знал я про него, что в 68-м был он со своим полком где-то под Прагой, оказывал так сказать интернациональную помощь дружественному чехословацкому народу. Пару писем от него пришло оттуда, в каждом было по чешскому значку (в обычном письме, прикиньте, и все дошло), я потом хвастался этими значками в школе.

Личная жизнь у дяди Миши не сложилась – женился он рано, на первой красавице на деревне, которая считала, что он ей теперь по жизни должен ноги мыть и воду пить, раз она за него вышла, а он считал по-другому. И была у них дочка Аля, вообще-то Алена, но все сокращали до Али, тоже очень красивая, зараза, вся в мать, на цыганку похожая. Ну и короче начал дядя Миша пить горькую, из органов его строго в 45 лет выперли, ну он устроился куда-то, потом перешел куда-то, потом под судом походил, за растрату, но был оправдан (я как-то откопал на чердаке протоколы суда над ним, копию наверно на руки выдали – понял только, что детский сад какой-то произошел, деньги пилил большой начальник, а дядя Миша пару раз подписал не то, что надо). Мне его всегда жалко было, хотя жалко как известно у пчелки, но тем не менее... Каждый ведь человек имеет право на второй шанс, верно? Значит будем спасать дядю Мишу и давать ему второй шанс и точка.

Решил и молодец, только ж надо это решение так сказать еще в жизнь провести, как там у нас в лозунговом хозяйстве говорится, 'Решения партии – в жизнь!'. А еще 'Планы партии – планы народа' и 'Энергию замыслов в энергию помыс... ну т.е. действий', так что там у нас с планом, народ? Есть ли у вас план, мистер народ. А то, мистер народ, у меня есть аж два плана. Но оба кривые. Так что кривые отбраковываем и будем разрабатывать план прямой, как телеграфный столб.

Значит так – от нашего Анютина до Тамбова по прямой... ну 300 км, по дорогам наверно все 400 (эх, вызвать бы шас Яндекс-карты да проложить маршрут, да завести Нисан-Хтрейл... увы, нету у меня ни Яндекса, ни Хтрейла, даже бумажной карты и то нет). Варианты передвижения – самолет, поезд, авто. Пешком еще, но так я точно не успею, дядя Миша должен утонуть послезавтра где-то в районе 9-10 часов.

Самолет это хорошо, и даже паспорт я с собой взял, но увы, ближайший аэродром в Болдине и летят оттуда кукурузники только в областной центр, где придется еще доставать билеты на рейс до Тамбова, что само-то по себе нетривиальная задача, а уж чтоб в день отправления их достать это уже ненаучная фантастика... фэнтези даже (в СССР, если кто-то забыл, все билеты на все самолеты почему-то выкупались в день открытия продаж).

Далее у нас идет железнодорожный так сказать транспорт – в Ужовке, до которой 20 км, узловая станция, поезд от Горького на Пензу каждый день ездит, с билетами вопрос наверно сложный будет, у нас ведь не только на самолеты, но и на поезда сейчас билетов никогда нет (чего ни кинься, ничего у вас нет, как говорил в свое время товарищ Воланд), так что не знаю, не знаю...

Ну и последним пунктом у нас идет авто значит транспорт, или автостоп – вон в 5 км от Анютино проходит трасса на Саранск и далее на Пензу, фуры и дальнобойщики пока еще никто не отменял, при любой власти они туда-сюда мотаются по всей стране, как челноки в швейной машинке. А от Пензы до Тамбова всего-то 150 что ли километров, это уже как-нибудь, это уже по остаточному принципу. Пару пузырей водки кстати прикупить надо бы, этой валютой надежнее расплачиваться будет.

Значит решено, едем автостопом по Галактике, ну то есть по Мордовии конечно. Теперь второй вопрос, вернее первый – я же тут в Анютино не сам по себе, а в коллективе, и за меня несет ответственность тот же Павлик, если что, ему голову открутят, так что надо решать вопрос комплексно, чтоб отпустили без проблем. Если я возьму вот и приду такой к Павлику и с ясным взором честно заявлю, что мол мне надо спасти человека, который послезавтра утонет, так в лучшем случае он пальцем у виска покрутят, а про худшие случаи и думать не хочется. Значит надо как-то исхитриться, чтобы причина отъезда была веская и причин отказа было бы мало...

Посидел еще минутку, поразмышлял и мысленно махнул рукой, Павлик мужик вроде нормальный, скажу, что очень надо, наверно закроет глаза. Подитожил результаты размышлений в виде:

На тройке серых лошадей
Спешат на помощь Чип и Дейл.

Забегая вперед, скажу, что на самом-то деле Чип с Дейлом поспешили на помощь на сером МАЗе, но это уже несущественные детали.

Мальчик хочет в Тамбов

Ты знаешь, чики-чики-чики-чики-та, как говорил великий певец Мурат Насыров. На самом деле мальчик не очень-то туда и хотел, но повиновался так сказать чувству долга, боровшемуся с сердечным влечением. Долг победил за явным преимуществом.

С Павликом все получилось без серьезных проблем – сказал, что надо мне на пару дней в город, позарез надо, вопрос жизни и смерти (не уточняя впрочем деталей), Павлик поморщился конечно, но отпустил, взяв слово, что через 2 дня здесь стоять буду, на этом вот месте и по возможности в том же виде. Своим одноизбушечникам (если так можно выразиться) сказал примерно то же самое, успел в магазин до закрытия и закупил там 3 бутылки Русской, продавщица посмотрела на меня насмешливо, но бухло выдала без вопросов. Положил бутылки в рюкзак, обмотав их тряпками, чтоб не гремели, да и подался ловить машину, отметив время (6 сентября 18.15 – значит до часа Ч у меня остается примерно 40-42 часа, я не знал точного времени, когда они там на речку пошли, но точно не раньше 9 утра).

До Пели никто не ехал, пришлось пешком все 5 км одолевать. Там мне повезло сразу же, на мою поднятую руку остановился второй по счету грузовик, это и был тот самый серый МАЗ.
– Чего тебя, малец? – высунулся в окошко шофер.

– Дядь, довези до Саранска, очень надо, – сказал я жалобным голосом, держа в руке пузырь и тут же добавил, – а совсем бы хорошо, если до Пензы...

– Студент что ли? – поинтересовался шофер. – Ну садись уже, а бутылку вон в бардачок положи. До Пензы не обещаю, но до Саранска точно довезу, я в Рузаевку еду.

У меня в голове тут же завертелся Яндекс... так, Рузаевка это кажется чуть дальше Саранска, но не слишком, 40 тыщ населения, куча промышленных объектов, узловая станция железной дороги, но на Тамбов, увы, ветки нету. Можно продолжить движение на юг, к Пензе, или на запад на Шацк. Ну как фишка в общем ляжет.

Я залез в кабину и тут на меня накатило – в общем-то и целом-то все хорошо, Сергуня, не надо вешать нос, как тем гардемаринам – ты молод, здоров, у тебя вся жизнь и спасение страны впереди, а если конкретнее, то вот в течение двух... нет, уже 1,5 дней у тебя впереди спасение хорошего человека. Так что хвост трубой или даже этим... пистолетом, и гуляй смело навстречу приключениям, а что они у тебя появятся, почему-то никаких сомнений это не вызывает. И летели в глаза редкие огоньки встречных машин (это ж 70-е, ребята, а на этой трассе и в через 40 лет не особо напряженный трафик будет), и висели на небе яркие звезды, прожигающие душу навывлет, и стояли вокруг одуряющие запахи начинающейся осени. Так и хотелось сказать – эх, хорошо в стране Советской жить... особенно если летишь сквозь ночь на многотонном МАЗе.

А между тем фишка легла достаточно наперекосяк – как говорится, гладко было на бумаге, да забыли про концлагерь. Мужик с МАЗа высадил меня где-то в чистом поле – вон там, показал пальцем, должна быть Рузаевка, а я разгрузаться вон туда, и он показал пальцем направо. Вон там (впрочем как и вон туда) не было видно ни хрена, 3 часа ночи на дворе, холодина, темень, насекомые какие-то летают толпами, так что возникла было у меня мысль использовать одну из моих бутылок для сугреву, но я ее отмел – до Тамбова еще далеко, чем другим водилам платить будешь?

Далее буду выражаться телеграфным стилем, уж извините.

03.30, 7 сентября. Нашел сарайчик с сеном, залез, закутался и как-то прокемарил до утра. Утром с дикой болью во всем теле припрыгал обратно к трассе, начал ловить попутку (рассудил, что ночью один хрен никто не остановится). По дороге чуть не получил гаечным ключом на 36 по голове – да, маньяков в Советском Союзе не было, но алкашей с гаечными ключами, коим надо рупь на опохмел, никто не отменял. Тупо убежал от гражданина, против гаечного ключа такого размера, как хорошо известно, других приемов нет.

7.15. Поймал попутку, на этот раз для разнообразия это оказался 131-й ЗИЛок, срисованный нашими умельцами с трофейного Студебеккера – я думал, они все в утиль вышли к концу 70-х, а вот поди ж ты. ЗИЛок согласился довезти меня до Пензы за ту же самую бутылку

13.20. Пенза. Шофер высадил меня хрен знает где, я конечно спросил, как тут на Тамбов ездят, он махнул рукой куда-то вправо и уехал, оставив меня в густых клубах выхлопных газов (карбюратор он сука сто лет не регулировал, машинально подумал я). Попилил в направлении взмаха руки мимо частного сектора. Нашел лавочку, съел, чего там у меня в рюкзаке оставалось, поглядел на оставшуюся одинокую бутылку и вздохнул.

14.30. Потом пошли уже большие дома, потом неожиданно наткнулся на железнодорожный вокзал, большой и красивый, подумал, что можно бы и по железке, наверняка же что-то ходит, куда мне надо. Изучил расписание – да, что-то ходило, но раз в сутки, основной-то ход там был на Рязань-Москву и в обратную сторону на Сызрань-Самару, а на Тамбов ну кому особо надо-то? Да никому, вот и пустили в этом направлении единственный поездочек, через Сердобск-Ртищево-Кирсанов, уходил он в полдвенадцатого ночи, в Тамбове значит был в 6 утра. Еще был поезд чуть ранее, на Каменку-Моршанск, но от Моршанска опять же надо было как-то добираться до Тамбова, так что я остановился на прямом поезде.

15.00. Занял очередь в кассу. Да, в СССР были дикие очереди практически за всем, билеты тут исключением не были. По моим прикидкам стоять мне было не меньше часа. Ладно еще сортиры здесь пока что бесплатные. Но грязные.

16.05. Достоялся, скроил печальную физиономию и просунул ее в окошечко – один билет до Тамбова, любой, хоть на 3 полку, ну очень надо, брат в больницу попал, лекарство везу. Кассирша, толстая неприятная женщина с перманентом на пергидролевых волосах, похлопала глазами и без вопросов выдала мне билет в жесткий вагон всего за 4 рубля с полтиной.

16.20-22.30. Мотался по городу, потом сидел на вокзале и на привокзальной площади. Обычных для нашего времени ларьков с шаурмой и пивасегом не увидел, зато киосков с мороженым и газводой было предостаточно. Купил и то, и это, вкусно, без вопросов...

23.00. Сел на поезд, с боем занял свое место, вагон же общий, надо было не зевать – я и не зевал, вторую полку отхватил. Когда все успокоились, начался традиционный перекус, в 12 ночи, да, соседи снизу курицу и яйца ели, никогда этого не понимал и сейчас не понял. Предложили и мне, я сказал спасибо, не надо.

04.00, уже 8 сентября. Проснулся, стоим. Спустился, спросил у проводницы, чего это, остановка? Проводник сказал, что нет, впереди пути ремонтируют, постоим и дальше поедем. На резонный вопрос, это что, мы опоздаем что ли, проводник бодро ответил, а то как же, часа на 2 точно, а то и. Как повезет короче. Приплыли, граждане – значит я на станции Тамбов буду не ранее 8 часов...

Мой дядя самых честных правил

А также строил, пересчитывал и разводил. Работа у него такая была. Но сейчас впрочем не об этом. В 8.30 мы не торопясь подъехали к окраинам Тамбова и опять встали. Я посмотрел в окно – батюшки-светы, да это ж переезд в таком районе под названием Покрово-

Пригородное (в народе его почему-то все называли Козинка, хотя коз я там никогда не видел), где и дядя Миша живет и все остальные мои родственники.

До станции Тамбов еще километров 5, если не 6, а потом назад значит как-то добираться, нет, проще сейчас было бы как-то сойти – вихрем пронеслось в моей голове. Спрыгнул с верхней полки, рюкзак в руку, бегом к проводнице – Христом богом и двенадцатью первоапостолами прошу, выпусти, родная, брат при смерти лежит вон там, в Первом садовом переулке, дом 5, боюсь не успею попрощаться, сколько нам еще до вокзала-то пилить, помрет ведь брательник, не дождетя, сочинял я на ходу, не забывая утирать набежавшую слезу. Проводница вроде прониклась моим накалом чувств, взяла ключ, сказала идем, только тихо. Ну а я чего, шуметь что ли собирался, очень тихонечко слез со ступенек, помахал проводнице и рысью побежал вдоль путей мимо Первой мебельной фабрики и Петропавловского кладбища на Садовую улицу, а там и до 1-го Садового рукой подать.

На рысях проскочил большой луг перед входом на участок 5 дома (а рычаг, открывающий дверь, так и заедает, как и 3 года назад, стучать по нему надо), вот и вход, а вот золотые шары вдоль дорожки, на редкость глупые цветочки, вот и бабушка Феня сидит на скамеечке, лузгая семечки, уж чего-чего, а семечек в Тамбове хватает, корзинки размером с колесо велосипеда вырастают.

Естественно, баба Феня была ошарашена моим появлением, ну еще бы, я бы тоже удивился:

- Ты чего здесь делаешь, внучок, ты же в Горьком должен быть?
- Потом объясню, бабфень, – скороговоркой отчитался я, – скажи лучше, где дядьмиш?
- Ушел, с час уже как на речку ушел, с тетезиной.
- А куда пошли-то?
- Да куда обычно, к мосту.
- На этот берег или на тот?
- Это не знаю, сказали к мосту.

Ну где этот мост через Цну, я хорошо знал, пешеходный ясное дело, был еще автомобильный чуть подальше, но там сроду никто не купался. По прямой туда километра 3, значит за 15-20 минут должен добежать, если дыхания хватит.

- Ну ладно, я за ними побежал.
- Да ты хоть расскажи, зачем тебе бежать-то надо?
- Некогда, бабфень, вернусь, расскажу. Привет деду передавай.

Ну и дал ходу обратно на переезд, где только что спрыгнул с поезда, знал бы, сразу на речку побежал. Общественным транспортом можно конечно было – к клубу на 5 автобус, а потом пересестя на троллейбус по Интернациональной, но это получится явно дольше, пятерки и полчаса прождать можно было по моему предыдущему скромному опыту. Так что только хардкор, Сергуня, только ногами. Аллюр три креста, сабли к бою, труба трубит 'мы красные кавалеристы' и тд.

Чем известен Тамбов в народе, спросите вы, я и вам без запинки отвечу – тамбовскими волками, раз, атаманом Антоновым, два, ну может кто-то еще вспомнит лермонтовскую тамбовскую казначейшу, это три. Тамбов вообще-то это глухая такая и кондовая российская провинция, возник в 17 веке при Алексее не соврать бы Михайловиче для защиты от набегов крымских татар, засечная черта такая была, вот на границе ее и возводили опорные пункты – Тамбов, Белгород, Воронеж и тд. Скоро впрочем надобность в защите отпала за унасекомливанием крымских татар, особых пересечений торговых путей тут не возникло, равно как не открыли никаких значимых залежей полезных ископаемых, ну черноземы тут конечно знатные были, но это ж область, а не город, поэтому он и развивался по остаточному принципу – к середине 20 века там жило 200 с небольшим тыщ народу, ну театр конечно был, даже два, драмы и тюз, ну 3 вуза, пед, культуры и почему-то химического машиностроения, сокращенно

ТИХМ (бабафеня говорила Тихам), ну две широкие центровые улицы были со сталинками, площадями, всеми делами, Советская и Интернациональная, но реальным центром города всю жизнь были совсем не эти улицы и не тамбовский жд вокзал и даже не площадь возле обкома, а городской рынок. Хороший рынок, большой и с дружественными ценами, у меня никаких претензий к нему никогда не возникало.

И был этот город в основном одноэтажным, три четверти занимал частный сектор. Вот по такому сектору я и припустился сейчас во всю прыть, сплошной чередой слева и справа палисадники, заборы, окна с резными наличниками, золотые шары, их здесь очень любили... и почему-то в каждом втором доме был парадный вход, выходящий прямо на тротуар, закрытый или даже заколоченный намертво, а так все ходили в калиточку через непарадную дверь.

Где же это мы пилим? Ага, улица Сергеева-Ценского, полдороги долой. Сергеев этот самый Ценский, автор 'Севастопольской страды' пожалуй единственный популярный селебрити из Тамбова, остальные совсем уже мелкие и неразличимые. Ух ты, уже до Советской добрался, центральная по сути улица города, а машин совсем нет. И вон он берег реки Цны, левого притока Оки, речка довольно мелкая и узенькая, никакого судоходства естественно по ней никогда не было, но для моторных лодок и купания вполне пригодная. А вот и мостик пешеходный, быстро смотрим на пляжик на этой стороне реки – нету там искомых товарищей, значит быстренько двигаемся на ту сторону и осматриваем второй пляж.

А ведь пожалуй ты и не успел, идиот, подумал я, услышав однообразные крики с другого берега, это походу кричала тетьзина...

Скатываясь с моста, чуть не полетел кубарем, но успел зацепиться за перила, только боком проехался, выскочил через заросли лопухов на пляж, сбрасывая с себя одежду, быстро крикнул тетьзине:

– Где он в воду заходил?

Тетьзина, несколько ошарашенная моим появлением, все-таки взяла в себя в руки и пальцем показала, что вон там вон. Я с разбегу нырнул примерно в том направлении. Мда, явно не май месяц на дворе, водичка хорошо освежила, так что яйца сжались до размеров голубиных. Нырнул один раз (Цна вообще-то неглубокая речка, но местами метров 6-7 запросто может быть) – мимо, тина одна да водоросли, откуда здесь водоросли? Нырнул второй раз, чуть не распорол живот о корягу, конкретная такая коряжина притаилась в речной яме. Вынырнул и еще раз уточнил у тетьзины – здесь? Она закричала, что чуть правее, подвинулся правее и сразу нашел дядьмишу, он лежал там на дне в позе эмбриона, зацепил его за волосы и потащил сначала вверх, потом быстро, как только смог, к берегу.

Тетьзина помогла вытащить его на берег, не переставая причитать при этом, не дышал дядя Миша совсем, и сердце у него не билось.

– Долго оно под водой пробыл? – уточнил я, готовясь проводить спасательные мероприятия.

– Минут 5 наверно, – ответила она.

– Ну я попытаюсь конечно его реанимировать, но ты беги на ту сторону, там где-то спасательный пункт должен быть, а не найдешь, звони 03. Быстро, – рявкнул я, видя что она находится в откровенном ступоре.

Вроде помогло, тетьзина резво вышла из ступора и почесала на мостик, а я перевернул дядю Мишу вниз лицом, положил животом на колени, постукал по шее – немного воды изо рта у него вылилось, но дышать он не начал. Перевернул обратно, положил на песочек, начал делать искусственное дыхание поочередно с массажем сердца. Ну же, давай, родимый, не подведи – мертвому оно конечно спокойней, но уж больно скучно!

И ведь получилось же, на десятый примерно раз, дядя Миша содрогнулся, закашлялся и начал блевать речной водицей. А тут и тетя Зина подоспела с бородатым немолодым спасателем, тот значит принял у меня эстафету помощи утопающим на водах.

Когда процесс оказания помощи закончился, бородатый спасатель предложил вызвать Скорую помощь и свезти утопшего в больничку, мол мало ли что. Но дядя Миша, окончательно придя в себя, окинул меня долгим взглядом и сказал, заикаясь (он всю жизнь, сколько его помню, заикался, после Китая вроде это у него появилось, в дальнейшем я эту особенность отражать в тексте не буду):

– Ну здоров, племяш, как ты тут оказался-то? (я на это промычал, что потом объясню). А в больницу я не поеду, вроде оклемался. Мы же сюда на машине приехали, правда, Зин? (тетя Зина согласно закивала). На машине и уедем – вон она на набережной стоит. Сам я вести наверно не смогу, давай ты, Сергуня, ты же на права сдавал? (тут я согласно закивал головой) Ключи в штанах вон лежат, давай организуй процесс. А вам (повернулся он к бородатому) спасибо большое за помощь.

Всех короче построил дядя Миша, как привык на службе. Машина стояла там, где он показал, копейка это была желтенькая, как цыпленок. Завелась с пол-оборота, подкатил к мостику, погрузил дядю Мишу с тетей Зиной, поехали домой. Чуть было не свернул на Лермонтовскую, но вовремя вспомнил, что эстакаду же над железной дорогой там еще не построили, а на переезде можно и на полчаса зависнуть, сделал крюк через вокзал, там туннель был, и вскоре высаживал дядю Мишу у его дома. Довели болезного до кровати, уложили, спросили, не надо ли еще чего и вернулись обратно.

– Ну а теперь рассказывай, – строго спросила у машины тетя Зина, – откуда ты взялся, как попал на речку и что все вообще, черт возьми, означает?

Я вздохнул и мысленно произнес:

В Тамбове жить – по-тамбовски вить,
И волкам позорным товарищем быть.

Вслух же начал выкладывать заранее заготовленную легенду, в поезде еще придумал, когда мы там ночью стояли в ожидании ремонта.

– Короче сон у меня тут случился позавчера, яркий такой, аж жуть. Там, в этом сне, ты с дядьмишей идешь на речку, и он там, на этой речке, значит тонет. Вытащили его через час, похороны на третий день после этого были – ты с мамой и тетямашей стоите над гробом и плачете навзрыд.

– Погоди, погоди, – встряла тетя Зина, – а дату ты как вычислил, ну когда мы купаться пошли?

– Да очень просто, тетезина, по дороге вы газету в киоске купили, Тамбовскую правду, а она была от 8 сентября 1977 года. Это не она у тебя в сумке лежит?

Тетя Зина сунулась в сумку – точно, была там сегодняшняя Тамбовская правда.

– А до этого у меня еще один сон был, – продолжил я, – в конце августа где-то, там я увидел, как грузовик с трамваем сталкивается как раз у нас под окнами на проспекте Кирова. А на следующий день все это и в самом деле произошло, и трамвай ехал, 12 номер, и грузовик сдуру налево повернул, не убедившись в безопасности маневра, так что трамвай его проволоч по рельсам метров на 10, после чего грузовик загорелся. Никто не пострадал, но потом этот случай весь наш район обсуждал неделю. Ну сама посуди, что мне думать и делать надо было после второго такого сна?

– А добрался-то ты как, ты же должен был на картошке в деревне быть?

Тут я честно рассказал о своем захватывающем роад-муви по дорогам и полям черноземщины. Только про алкаша с гаечным ключом умолчал, зачем ей эти подробности.

Тетя Зина вроде прониклась, но задала последний наводящий вопрос насчет матери – мол в курсе она моих снов вообще и конкретно этой моей поездки в Тамбов?

Я ответил, что конечно в курсе, звонил и предупреждал, она дала добро. Добавил, что вот прям шас пойду на переговорный пункт и успокою ее.

– Ну давай, переговорная есть на почте, что по Дорожной улице, это рядом, – успокоенно сказала тетя Зина. А я таки попросил ее не говорить никому больше про мои сны, мол случайно проездом здесь оказался и случайно же помог дяде Мише и точка, а то хлопот потом не оберешься. А сам тем временем пошел на переговорный пункт, не чтоб позвонить, упаси бог, мать ж потом месяц успокаивать придется (вот вернусь домой, все и объясню), а чисто сделать вид, что позвонил.

Шел и радовался, а хорош же город Тамбов при тихой погоде, и люди здесь добрые и отзывчивые, можно сказать душевные, и выговор у них тут специфический, протяжный. Красота да и только... но вот где-то на полдороге на пути у меня попались три парнишки, разрушившие неземную красоту города.

– Эй, пацан, – сказал самый высокий и крепкий из них, – ты с какого району?

Из пацанов я вроде вышел, но рост у меня не особо выдающийся, да и телосложение хлипкое, так что по проканал я у них по графе пацанов. Оглядел я значит ребят, драться мне сегодня совсем не хотелось, а в кармане как-никак пара рублей осталась – отберут ведь за здорово живешь, решил действовать нестандартными методами.

– С девятого, а чо? – весело ответил я.

С ребятами тут приключился когнитивный диссонанс, про такой район они явно первый раз слышали, да и соперник не начал сходу канючить, так что...

– Чо за район такой?

– Это в Арзамасе-16 под Горьким, закрытый район, за колючкой живем.

– А здесь чо делаешь?

– К родственникам заехал на пару дней. Вон там, на Первом Садовом. Ребята, мне позвонить домой надо, подскажите, где переговорная?

Ребята хмуро переглянулись и тот самый старший ткнул пальцем в уже известную мне сторону, – туда иди, не ошибешься.

– Пасиб, кореша, – опять же весело ответил я, – хороший у вас город, мне нравится.

После якобы переговоров с Горьким вернулся к бабе Фене, тут подтянулся и дед Леша. Тут меня наконец накормили (окрошка и блины, охренеть, как вкусно) пришлось заново рассказывать свою сагу, о том, как я здесь оказался. Подкорректировал версию до ангела-хранителя – мол явился мне посреди ночи и сказал, что надо ехать спасать родственника. Вроде поверили.

Дом, надо сказать, у деда с бабой был купеческий, минимум со 100-летней историей, и стены у него были метровой толщины... ну может чуть меньше, но в дверном проеме например я с двумя своим сестрами убирался, когда маленький был, в прятки мы так играли. Весь дом этот был такой коренастый и вросший в землю, вниз надо было спускаться туда с огорода, культурный слой вырос за 100 лет. Когда в начале 40-х они переехали сюда из деревни, то денег у семьи хватило только на половину дома, поэтому хозяин перегородил его пополам кирпичной стенкой и вторую половину продал другой семье – сейчас там жила такая баба Катя, исключительно вредная старушонка, всю жизнь на меня ругалась из-за своей ограды по непонятным поводам, ну может она так тоску разгоняла, с родственниками у нее было не густо, и поговорить-то не с кем.

Вот в этом самом доме на кухне (она же столовая) меня и кормили. В окно был виден соседний двор с другой стороны, там исполнял свой традиционный послеобеденный концерт сосед Генка – до обеда его обычно не видно и не слышно было, а потом после принятия очередной дозы его значит пробивало на музыку. Пел он довольно неплохо, надо признаться, и гитара у него была отлично настроена. Исполнял он обычно блатняк и довоенные песни, иногда в процесс вмешивалась его жена Елена (все ее почему-то звали Елькой), она в основном

матерно ругала Генку, и тогда генкины песни звучали особенно убедительно и жизненно. Генка был родом из Питера, поэтому немалую часть его выступлений составляли воспоминания о былой жизни во второй столице, местных жителей он при этом презрительно называл тамбовцами (хотя правильно вообще-то говорить тамбовчане). И еще он частенько продавал газеты – «2 копейки Московская рабочая газета, 3 копейки «Вечерний Ленинград, налетай, покупай, пока не кончились», видимо в детстве он этим подрабатывал на жизнь. А так беззлобный был товарищ, только излишне разговорчивый.

– Генка-то живой значит еще? – спросил я, доедая блины.

– А что ему делается, паразиту, песни играет, – отвечала бабушка. – Про тебя спрашивал, ты ли это с утра был и зачем приехал?

– Ну уж нет, с Генкой я по этому поводу говорить не хочу. Он кого хочешь заговорит.

После обеда пришла дочь дяди Миши, Алена, сказала мне, что отец зовет. Пошел с ней, да. Пока шли мимо мебельной фабрики, порасспросил Алену, как у нее дела. Оказалось, поступила она в институт культуры, будет специалистом-культурологом. Не знаю, как у нее там с культурологией сложится, но с ухажерами по-моему все в полном порядке будет – девка исключительной красоты...

Дядя Миша меня оказывается звал, чтобы подарить машину, ту самую желтенькую копейку – мол должен же он отблагодарить спасителя, а он сам на ней почти и не ездит. Жена его, Ольгой звать, смотрела на меня при этом совершеннейшим волком. Тамбовским. Я прикинул кое-что к носу и решил уполовинить так сказать подарочек – с говном же сожрут, если что.

– Не, дядьмиш, взять насовсем не могу, это слишком дорогой подарок выйдет, а вот во временное пользование, на полгода-год к примеру, это с удовольствием, ведь мне назад надо как-то добираться к своим студентам, тут твоя машина мне весьма пригодилась бы.

Ну решили, что так оно и будет, доверенность на меня он обещал завтра с утра сделать, остались кое-какие КГБ-ные связи-то, а там езжай куда хочешь, Сергуня. Перед выходом жена прошипела мне в спину что-то вроде 'черти тебя принесли на нашу голову', на что я никак не прореагировал, но подумать подумал, что от такой жены не мудрено запить горькую... Да, и еще я посоветовал дядьмише сходить провериться к кардиологу... ну или к терапевту для начала... и снять ЭКГ, не помешает. Дядьмиша задумался, может действительно сходит, ведь неспроста же он тонуть-то начал.

Тамбов почти не виден

Утром наколол дров бабе Фене, поленья уже напилены были и сложены вдоль забора, за которым был внутренний дворик и собачья будка со старой уже и немощной собакой Сильвой (кто и почему назвал помесь овчарки с пуделем именем героини оперетты Кальмана, сказать сложно). Дрова были сухие, кололись замечательно, бабушка умиленно смотрела на меня, лузгая очередное колесо подсолнуха, Сильва в общем и целом тоже одобряла мои усилия, солнце било в правый глаз, но не так чтобы уж очень сильно, сентябрь все же на дворе, и все было прекрасно и удивительно... бывают такие дни, когда все хорошо, жаль, что редко.

Потом мне настала пора уезжать из Тамбова, сразу после обеда где-то – дядьмиша оказался человеком слова, дядьмиша в смысле сказал, он же и сделал, все формальности с машиной уладил в кратчайшие сроки. И вот я значит стою такой весь у своей блин машины в неполные блин 17 лет... охренеть не встать просто. В голове всплыл такой плакатик, висевший в сберкассах времен развитого социализма – 'Накопил и машину купил', и счастливый мужик со сберкнижкой на нем, а я вот не копил и сберкнижка у меня хотя и имеется, но недоступная до 18 лет, а машина вот она, красивая и желтая, как цыпленок. Поневоле сочинилось:

Преподнесла судьба-индейка

Сергуне желтую копейку

Обошел раза три вокруг машины по часовой стрелке, приговаривая при этом – эх, копейка, ух, копейка, ох, копейка! В девичестве, как мне вспоминается, это был Фиат-124, доработанный напильником по контуру для советской действительности. Мечта пары поколений отечественной интеллигенции. Между прочим копейкой в те годы ее никто не называл, говорили первая или единичка. Потом появилась двойка, лучший наверно отечественный универсал, потом тройка, кагбэ люксовый вариант копейки с хромированными деталями и двойными передними фарами, потом 13 модель, но все это было немного не то и несколько не так – копейка оставалась недостижимым идеалом.

Радиоприемник, как я посмотрю, на месте, вроде как даже венгерский, с ДВ и КВ диапазонами, вот кстати голоса послушаю по дороге, их как будто сейчас и не глушат, разрядка же мать ее и общее потепление международной обстановки. На передней панели приклеен качающийся головой кот, на задней полочке имитация футбольного мяча из плюша – годится, убирать ничего не буду.

Какие там проблемы были у первых жигулей, надо бы вспомнить... распредвалы кажется летели очень часто, потом с зажиганием очень часто траблы возникали, этот... бегунок что ли... пробивался почему-то очень часто, масло надо было часто подливать, подтекало, подвеска летела, а с запчастями была вечная проблема... да что там с запчастями, масло и сменную резину купить огромной проблемой было. Открыл капот (ну ё-моё, я и забыл, что он вперед открывается, сейчас такого не увидишь) – видимых потеков масла нет, уровень охлаждающей жидкости в норме, вытащил масляный щуп, и тут все ок. АБС и ЕРП с электрическими стеклоподъемниками конечно нет, не говоря уж о парктронике, кондиционере и круиз-контроле, ну и обойдемся, в первый раз что ли. Будем надеяться, что до Анютина как-нибудь дотянем мы вдвоем с этой желтенькой копейкой, а там уж... бог как говорится не гнида, свиным не выдаст... ну или как-то так... да и поехали помолясь... расцеловался с дедом и бабкой, они меня перекрестили на дорожку и дали червонец на неотложные нужды... да, не забыть бензин залить в бак, стрелочка-то уровня топлива близка к нулевому уровню.

Заливать в жигули, как я сумел выгащить из памяти, следовало 92-й (тогда он назывался 93-м) бензик, и стоимость его конкретно вот в 77 году должна была быть в районе 10 коп за литр, расход же на трассе у первых жигулей был очень даже божеским, 7-8 литров на 100 км, так что до Анютина мне надо было (шелкнул мозговым калькулятором) 30-35 литров или 3 рубля с полтиной. Пересчитал бабло в кармане – оставшиеся от дома 4 рублей с копейками плюс бабкин червонец, так что прорвемся, граждане, возможно с песнями и плясками с бубном, но должны прорваться.

Мысленно построил маршрут – опять через Пензу я не поеду, ну ее, двинем строго на север в Моршанск-Шацк, потом направо на Спасск-Саранск, а там уж и до Починковского района рукой подать, за 6-7, максимум 8 часов должен добраться. Помахал рукой родственникам и отдельно бабе Фене, утирающей слезу, выпустил клуб дыма и покатыл в центр Тамбова по столбовой так сказать улице им. Ю.Гагарина – по дороге подивился на остановку 'Белый бак', никаких баков там поблизости отродясь не было, а была только водонапорная башня из красного кирпича. Ну возможно когда-то она и была белого цвета...

Тоннель под железной дорогой, Интернациональная, рынок, поворот на Советскую, круговая развязка и вот оно, Моршанское шоссе (как же еще должна называться дорога, ведущая в Моршанск?). Про Моршанск я знал только то, что сказал Остап Бендер Кисе Воробьянинову во время их знакомства в Старгороде -

- Но я приехал вовсе не из Парижа!
- Чудно, чудно, из Моршанска.

Ну вот заодно и с чудным Моршанском познакомимся, ага, до него тут всего ничего. Погоды стояли замечательные, в приоткрытое боковое стекло били запахи начинающейся осени, и жизнь казалась прекрасной и удивительной. О, на автобусной остановке сидит и скучает красивая девушка, не вижу, почему бы молодому человеку с автомобилем не предложить подвезти ее куда ей там надо?

– Садитесь, подвезу, – сказал я, притормозив у остановки.

– Ой, спасибо, только я не одна, вот еще старший брат со мной – двоих подвезете?

Вот облом так облом, величиной с роман Гончарова, подумал я... сейчас брат выйдет с обрезом и они меня на пару потрошить начнут, как эти... как Бонни и Клайд. Но не отказывать же людям, раз сам напросился:

– Ну ясное дело подвезу, садитесь и вдвоем. А где брат-то спрятался?

– Да вот он, за остановкой вещи сторожит. Петя, давай скорее, нас тут подвезти предлагают.

Опа, а Петруша оказался священником в рясе, это был здоровенный такой детина с бородой и в очках, ну я попал конечно в историю. Но делать нечего, вышел, помог поставить два узла в багажник. Едем дальше, видим мост... ну не мост конечно, а так, мостик... разговариваем... ехала эта парочка из Казанского монастыря, расположенного в самом Тамбове, брательник там преподавателем подрабатывал в семинарии, ехал домой в Моршанск, в отпуск, а подруга эта приезжала поступать из своего Моршанска в ТИХМ, да так и не поступила, а теперь значит у брата отпуск настал, вот они и едут значит обратно из Тамбова в Моршанск, а как приедут, так отдыхать значит будут, а что подруга далее делать будет, сказать сложно, она потом об этом подумает.

Все это вывалила на меня Глафира (ее Глафирой звали, имечко конечно то еще – хотел я было вернуть стишок про кусочек сыра, но вовремя сдержался) в первые же 10 минут поездки, рот у нее не закрывался ни на секунду и я уже горько пожалел, что связался с этими пассажирами. Брательник все же сумел улучшить момент, когда Глафира закончила одно предложение и не успела начать следующее и вернул:

– Что-то ты слишком молод, сын мой, чтоб машину такую иметь. Не угнал ли ты ее часом?

– А вы, батюшка, не в ГАИ ли подрабатываете на полставки? – спросил я, и не дожидаясь ответа, продолжил – машина не моя конечно, родственник дал на время, вожу по доверенности, доверенность могу показать, надо?

– А покажи, – просто сказал батюшка.

А я чего, мне не жалко, притормозил, протянул только что полученную доверенность и права, святой отец внимательно изучил их и милостиво разрешил продолжать движение. Дальше ехали молча, Глафира как-то вникла в ситуацию и заткнулась намертво. Через полчаса на обочине пролетел мимо указатель 'Моршанск'.

– Таки приехали, – сказал я, – куда вас тут высаживать-то?

– Да здесь по главной дороге, никуда сворачивать не надо, – отозвался Петя, – я скажу где.

Через минуту-полторы подкатили, куда им там надо было, вышел. Вынул узлы из багажника и тут поп вдруг сказал – Глаша, отойди на минутку, нам тут пару слов надо наедине.

Глаша отошла, и тут мне было сказано буквально следующее:

– Ты, мил человек, не обижайся, уж очень аура у тебя странная была, я такой никогда не видел.

– Какая еще нахрен аура? – я только и нашелся, что ответить.

– Долго объяснять, странная она короче у тебя, как будто ты не совсем отсюда... а точнее совсем не отсюда... но потом увидел, что это все ерунда, хоть ты и не наш, но человек хороший, трудностей у тебя много впереди будет, но ты не пугайся, все будет хорошо в конце концов... ну почти все.

– Ну спасибо тебе на добром слове, святой отец, помолись за меня что ли разок, не помешает.

На этом и расстались. А Моршанск... ну что Моршанск, как наш Арзамас к примеру или это... Павлово, милая провинция. Одна главная улица и собаки, чихающие от клубов дыма редких проезжающих авто. Проехал за 5 минут.

Дальше было не очень интересно, потрясло только возле Шацка (через 40 лет там так же трясти будет, как на стиральной доске, есть все же вечные так сказать ценности, такие как кондитерская фабрика в Лефортово), и да, было-было у меня одно небольшое приключение возле населенного пункта с поэтическим названием Тарханская Потьма – какая-то сука выложила... ну или потеряла карданный вал и он лег аккуратно поперек дороги, причем пылью припорошился, так что видно издали его было не очень. Ну я и налетел на него двумя левыми колесами, переднему здорово досталось, диск аж погнулся, заднее уже легче это перенесло. Но одно колесо пришлось менять. Долго искал домкрат и баллонник, слава богу нашел, а потом вспоминал, как всем этим пользоваться, в 21-то веке шиномонтажки через каждые 200 метров стоят. Заменял с грехом пополам на запаску, надо все же будет наведаться в ближайший шиномонтаж и довести до ума пробитое колесо, хотя, боюсь что ближайший будет не ранее города Горького.

Дальнейшее путешествие было совсем неинтересным, долетел до Пели, которая Хованская, примерно в 6 часов вечера. Далее был поворот на грунтовку (кстати интересный вопрос, как я отсюда выеду, если дожди пойдут) и через 3 минуты оно, почти уже родное Анютино. Конец так сказать анабазиса Сергуни в поисках себя – до этого было 2 известных анабазиса, Кира младшего, неудачно пошедшего воевать Вавилон, а потом через полторы тыщи лет небезызвестный будейовицкий анабазис бравого солдата Швейка, а теперь значит пусть третий будет, тамбовский анабазис бравого студента Сергуни...

Так вот, отмазка, откуда у меня появилась машина, кою я сочинял весь последний час пути, не понадобилась ни разу, потому что никого это не заинтересовало. А причина была очень проста – в Анютине в тот момент приключился большой шухер. Где-то в середине села стояла толпа народу и судя по громким выкрикам горячо и открыто болела за что-то. Подкаптал поближе, вышел, протиснулся к центру – там, представьте себе, граждане судьи, лихо и отчаянно бились на ножах сын нашей хозяйки Антоха и бригадир Павлик. Как говорилось в старом советском мультике 'Ну дела, ну дела, такого я не видела...'

Очень быстро узнал, что дело, как можно было бы и без подсказок догадаться, заключалось в бабе, а конкретно в медичке Ирке – вот не поделили они ее между собой. И когда только успели, всего-то 2 дня меня не было, возвращаюсь, а тут вон какие страсти, чисто шекспировские, Ромео против Отелло. А почему на ножах-то они бьются, спросил я у людей, со мной например Антоша на кулаках бился? А потому, ответили люди, что на кулаках они уже дрались и случилась нулевая ничья. Вот и продолжили, чем под руку подвернулось – мать Антона ножи как раз возле сарая сушиться развесила.

Ножи у ребят были явно самодельные, но на вид довольно страшненькие, длиной в районе 20-25 см и очень острые даже на вид. О тактике такого боя они оба понятия не имели, так что всё ограничивалось тем, что они махали ножами по кругу перед собой, не слишком сближаясь. Посмотрел по сторонам, где же тут притаилась героиня так сказать сегодняшнего нашего шоу, медичка Ирка – а, вон она стояла в сторонке, вся белая как мел. Подошел, спросил:

– Ну хоть ты скажи им чего-нибудь, они ж сейчас зарежут друг друга...

– Так я уже все им сказала, – отвечала недвигающимися губами Ирка, – они оба мне даром не нужны, только слов они не понимают.

Народ между тем радостно болел, раздавались подбадривающие обе стороны выкрики и, насколько я успел заметить, даже заключались пари на предмет победителя. На Антоху ставили больше. И тут вдруг Павлик вдруг поскользнулся на чем-то там скользком, взмахнул руками, чтобы остаться на ногах, в это время Антоша воткнул ему нож в бочину. Толпа вздохнула и замерла...

Первым отмер, как ни странно, я и кинулся к бойцам, оттолкнул в сторону Антона, одновременно крича Ирине – Ну чего стоишь, ты ж медсестра, иди помогать раненому.

Павел стоял, зажал бок и из-под пальцев у него капало. Тут Ирина тоже ожила и кинулась осматривать рану. Результат осмотра она огласила очень быстро – В больницу его надо, а пока замотать, чтоб не капало.

Замотали, чем нашли, а в качестве скорой помощи я быстро предложил свою копейку, пока еще тут чего найдешь, вот и пригодилась копеечка-то, спасибо тебе, дядя Миша. Вопросов, откуда взялась машина, опять не возникло. С собой взял естественно Ирку как ответственного медработника плюс еще вызвался ехать Саня Русаков, который мордвин. Ну сели, рванули с низкого старта в Пелю, ближе никакой больницы тут явно не было. На окраине притормозил, быстро спросил проходящего товарища, где тут у них лечебное заведение, оказалось рядом – вон оно, двухэтажное и даже кирпичное здание, выкрашенное белой краской.

Ирка быстро метнулась в приемный покой (был даже и такой здесь, прикиньте), уладила вопрос и вот мы с Саней уже тащим на носилках Павлика в операционную. Тяжелый он оказался, блин, как не знаю кто...

Когда уже шла операция, а Ирка вся зареванная сидела на скамейке в коридоре, Саня кивнул мне головой, пошли мол, покурим. Ну пошли покурим, пока Павлика зашивают. Ирке сказал, чтоб помолилась за Павлика, не помешает.

А на улице вместо закуривания Саня мне сказал значит буквально следующее:

– У меня дед был местным колдуном, лечил, кого мог, духов изгонял, из кого мог, молился нашим древним богам на погостах... так я это к чему – кое-какие дедовы способности мне передались, так что я людей насквозь вижу... ну не всех, но многих... тебя вот например – все остальные одного цвета ...

– Какого? – сразу спросил я.

– А разного, но одного, Ирка вон зеленая, Павлик белого, а вот ты, Сергуня, полосатый весь, как этот... моряк в тельняшке. Но ты не бойся, человек ты вроде хороший, так что я про тебя никому не скажу.

Тут я начал чесать репу, йокорный бабай, два экстрасенса в один день, это многовато будет.

А вслух сказал совсем другое:

– У мордвы вроде 2 этноса, один эрзя, а другой... не помню – твой дед из каких был?

– Из этих самых эрзей и был. А другие это мокши.

– А в чем разница?

– Ну примерно, как... ну как у вас с украинцами – вроде похожи, а вроде и не особо. В языке некоторые отличия есть, костюмы разные, живем мы в разных местах, причем эрзянцу нельзя брать в жены мокшанку и наоборот.

– Интересно... а я слышал, что венгры и эстонцы с вами из одной семьи, ты их язык поймешь?

– Нет конечно, хотя отдельные слова вроде понятные. Венгры хоть и тоже финно-угорцы, но очень давно откочевали на запад – вот ты сходу поймешь польский или там словацкий язык? Я думаю что нет.

Я вообще долго мог еще говорить на эту тему, ибо проблемы малых народностей меня всегда интересовали, но разговор наш сам собой прервался подкатившим на УАЗике доцен-

том Миндалевым (да-да, тем самым, который через полгода должен уполовинить нашу группу экзаменом по матанализу).

– Что тут произошло? – сходу начал орать Семен Вилорыч (да, от отца досталось ему такое отчество, Вилор это первые буквы от Владимир-Ильич-Ленин-Октябрьская-революция)

– Все под контролем, Семен Вилорыч, – быстро отвечал я, – производственная травма у Павла Сергеича, но его уже практически починили, вон кажется хирург идет, щас у него все и узнаем.

А это действительно вышел покурить хирург, был он в зеленом халатике, слегка забрызганном кровью. Миндалев значит сразу к нему подлетел с повторным криком, что тут происходит и где его любимый аспирант? Хирург сходу осадил Миндалева, мол незачем так орать, уши закладывает, и быстренько озвучил диагноз и результаты операционного вмешательства – проникающее ранение брюшной полости, почка и другое чего важное не задето, зашили все аккуратно и качественно, пациент отдыхает под наркозом, беспокоить его до завтра не следует, а полежать ему тут придется минимум 2 недели. Такие дела.

Миндалев вроде успокоился и опять начал трясти нас с Саней на предмет, как же случилось это самое мать его проникающее ранение и почему в больницу его повез я на неизвестно откуда взявшейся желтой мать его копейке и где в конце-то концов мать его председатель вашего гребаного колхоза? Про дуэль с Антошей я все рассказал честно, умолчав про Ирку, ну его, узнает у других, если захочет. О председателе я понятия не имел, где он гуляет, а вот про доставку в больницу и копейку наконец-то пригодилась давно заготовленная мною душе-раздирающая история – выложил со всеми подробностями:

– Короче дело было так – дядя у меня в Тамбове работает на очень ответственной должности, на какой, не могу сказать, и вот летом, когда я там отдыхал у него, помог ему в одном тоже очень ответственном деле, про которое тоже не могу сказать, а тут через месяц у него возникла очень большая необходимость довести до ума это ответственное дело, он позвонил и попросил меня срочно подъехать. Вот я и съездил туда на 2 дня. Дело сделали, деталей, извините, огласить не могу, подписку дал, а чтоб я смог добраться обратно побыстрее, он мне выделил во временное пользование свою машину. Верну ему, когда смогу.

Дал Вилорычу свои права и доверенность, он изучил и то, и другое, задумался и огласил решение:

– Ну если ты, Сергуня, такой шустрый да еще и при автомобиле, давай мы тебя в бригады двинем, Павлик-то на 2 недели выбыл из строя. Согласен?

– Семен Вилорыч, – проникновенно отвечал я, – если вы думаете, что я откажусь, так это напрасно. Ясное дело согласен.

Миндалев внимательно оглядел меня с Саней и добавил – А он вот у тебя заместителем будет, если что. Завтра с утра подъеду, все формальности с председателем утрясем.

После чего отбыл на своем УАЗике туда же, откуда час назад появился.

Когда я ехал назад в Анютино вместе с Саней и зареванной Ирккой, стемнело уже окончательно. В голове, как одна картофелина в пустом ведре, болталась единственная мысль – этот день блять никогда не закончится...

Трактор в поле тыр-тыр-тыр, кто в колхозе бригадир?

Это'О, Это'О, камерунский почтальо... нет, ну бригадирил-то в нашем колхозе не Это'О конечно, он еще не родился на тот момент, а Сергуня Сороколет. Об этом официально объявил председателю Пугачеву приехавший с утраца на зеленом УАЗике доцент Миндалев, сунул ему под нос бумагу с лиловой печатью. С ним вместе прикатил целый младший лейтенант в очень помятой милицейской форме. Вообще-то по правилам он еще вчера должен был в больничку явиться, врачи-то совершенно точно позвонили куда надо звонить в случае ножевых, а равно

огнестрельных ран, но сами понимаете, граждане, это ж глубокая, как Марианская впадина, российская провинция-с, где все делается медленно и неправильно, как говорил певец алко-гольной тематики Веничка Ерофеев, чтобы люди не дай бог не возгордились. А если все будет делаться правильно и быстро, то они могут неожиданно возгордиться и тогда все выйдет еще хуже...

Ну короче приехал этот мент с фамилией Коростылев и с непроявленным именем-отчеством и устроил опрос общественности на предмет вчерашнего происшествия с одновременным составлением протокола (ударение на первом слоге). Я чего, рассказал в 2 словах, что видел, а о причинах драки понятия не имею, потому что только что приехал. После этого мент пошел дальше по деревне, ну а я занялся бригадирскими делами, кои оказались довольно просты и многообразны.

Во-первых надо было определить фронт работ на сегодня, заодно узнал, почему нас кидали из угла в угол – а просто колхозу надо было процентовку закрывать в соответствии с руководящими указаниями сверху. Сегодня вот надо было кровь с носу 10 тонн картошки сдать на приемный пункт, значит лежала наша дорога на картофельное поле на границе с Мордовской АССР.

– А завтра? – быстро поинтересовался я.

– Ну ты спросил, – отвечал Пугачев, дымя папирсой как паровоз на подъеме, – завтра и узнаем, что там завтра будет.

Во-вторых, кормежка – выданные харчи хозяевам домов, где жили наши ребята, уже к концу начали подходить, значит что? Правильно, надо идти и получать новые, мясо в основном на скотном дворе, и развезти все это дело по хатам. И сделать это надо было бригадиру, кому ж еще.

Ну и наконец в-третьих надо было утрясти наконец вопрос с дисциплиной, по мнению Пугачева студенты разболтались вконец, шлятся хер знает где, драки устраивают хер знает с кем, портвейну пьют хер знает сколько. Короче надо немедленно это прекратить.

И под самый занавес разговора председатель огорошил меня новостью, что бравый боец Антоша убежал из дома и скрывается где-то в окрестностях, так что вы там поаккуратнее, если что. Вот только партизан нам не хватало для полного и безоговорочного счастья, да...

Планы короче, Сергуня, намечены, задачи определены, пшел выполнять намеченное и определенное. Проводил ребят на поле, пошел забирать мясо, скотный двор был не так, чтобы совсем близко. Там меня огорошили тем, что корова, предназначенная нам на мясо, еще не забита, на вот тебе, бригадир, ножик и иди забивай сам, если спешишь. Я тут же отговорился тем, что вовсе я и не спешу, к вечеру если сделаете и ладно, и пошел к своей избе посидеть-подумать о делах своих.

Посидел, но ничего полезного не надумал, а тут и баба Катя подошла с вопросами, чего ж ей теперь делать и как её Антоше теперь быть? Подумал еще, уточнил возраст Антоши (18 летом исполнилось), сказал, что в армию ему срочно надо – оттуда в ментовку не выдают. Баба Катя сильно задумалась... А еще, сказала, телявизер у нас в сарае стоит второй год, не кажет совсем, может посмотришь, ты вроде парень шустрый.

Ну пошли, посмотрим, сказал я. Телявизер был достаточно древний, но хорошо знакомой марки Чайка-4, у нас в семье такой же стоял до недавнего времени, и я его даже чинил неоднократно. Включил – полосы вместо растра, залез внутрь... у этой модели была такая фишка – одинаковые лампы в разных блоках стояли, 3 пары, так их можно было поменять местами, если характер неисправности менялся, значит дело в лампе. Поменял все 3 пары, но лучше как-то не стало. Долбанул от злости по боковой стенке, это неожиданно помогло – телявизер заговорил голосом Сенкевича. Ну понятно, типичный непропай, родовое клеймо отечественной радиоэлектронной промышленности, простучал все элементы рядом с этой стенкой, стук по которой помог, определил, что не контактит панелька одной лампы. Спросил паяльник, а

нетути его у бабы Кати и никогда не было, ну ладно, обошелся подручными средствами в виде разогретой в печке отвертки, кое-как пропаял все контакты. Устройство затарахтело громко и бесперебойно, почти так же, как трактор Кировец.

Баба Катя впечатлилась и предложила мне в уплату литровую бутылку самогона.

– Думаешь откажусь? – сказал я, – да ни в жисть, давай свою бутылку. Из чего гнали-то?

Оказалось, что из прошлогодней пшеницы, понюхал, запах неплохой, ирландский Бушмилл напомнил. Хотел было уточнить детали процесса самогоноварения, ну как там сусло делают, чем фильтруют и тд, но решил отложить, будет еще время, а то спугну бабу Катю глупыми вопросами, больше от нее ничего не дождешься. Ну а потом я сделал второй заход на скотный двор.

На этот раз более удачно – бедную скотину забили и разделали без моего участия. Выдали мне значит 4 пакета по числу изб, каждый в районе 5 кг, теплое еще мясо было, едва не сблевал, когда инспектировал содержимое. Краем глаза заметил, что в одном пакете совсем уж одни кости – нагло потребовал заменить, мясник удивился, но ничего не сказал, заменил на менее костлявое без слов. Дотащил и раздал пакеты по хозяйкам. Расписок не брал, здесь похоже все на полном доверии, ну и ладно.

А дальше делать мне вроде совсем нечего стало, в правлении спросил направление, куда там наши поехали, ну и попил там пешком (не на желтенькой же копейке по этим колеям ездить), вливаться в трудовой так сказать коллектив – я же не какая-нибудь сволочь лежать кверху пузом, когда другие работают, правильно? Сразу же и озвучил претензию председателя к дисциплине – народ покивал головами, что да, нехорошо как-то у нас с ней, но конкретных предложений не поступило. Ну и хрен с ним, рассосется все само собой, надеюсь.

Танька, которая маленькая и толстенькая, похоже конкретно на меня запала, что выжалось в постоянных глупых вопросах и просьбах... не, ребята, мне такого счастья даром не надо, у нее плюсом к маловыразительному экстерьеру еще и характерец такой не сахар, что где-то даже пороховая смесь. Попытался как смог максимально от нее дистанцироваться, помогало только это плохо.

Да, и сегодня нас обслуживал гужевой, друзья мои, транспорт – да-да, кобыла, запряженная в телегу. На нее помещалось где-то 20-25 мешков картошки, после чего повозка отъезжала на разгрузку, а у нас наступал перекур. После очередной перезагрузки сформулировал мучающий меня вопрос:

– А вот к примеру у этого вот средства передвижения какой расход овса на 100 км пробега? По сравнению с газоном кто выгоднее будет?

Народ разошелся во мнениях насчет эффективности этих транспортных средств, единым было только мнение, что пора бы уже и пожрать чего-нибудь...

Вечером нас таки отвезли домой на тентованной машине, и такие оказывается у Пугачева в хозяйстве водились. Обрадовал сожителей по избе честно заработанной бутылкой самогона, предложение раздавить ее сегодня же встретило горячее одобрение, переходящее в овации. А тут и починенный телевизор очень кстати пришелся – я затащил его в избу и поставил в уголок кухни на привинчивающиеся снизу ножки, все по фэн-шую. Включили, а там значит кубок УЕФА, Динамо-Киев против немецкого Айнтрахта, трансляция из сами понимаете Киева. Очень хорошо под душистый самогон пошло.

Вообще-то, сколько мне помнится, конец 70-х это был один из самых неудачных периодов для советского футбола – после феерического успеха того же Динамо в 75 году (Кубок кубков взяли же впервые в истории, а потом еще и Суперкубок у Баварии отобрали) последовала череда фатальных провалов. Бедолага Блохин, отличный в общем и целом футболист, так и не сумел сыграть на уровне сборной ни в одном финале... нет, в 82-м кажется он выходил на замену. Вот и в нашем 77-м в Кубке чемпионов играло прости господи Торпедо, уму непостижимо, как оно чемпионом оказалось, в первом же туре и вылетит со свистом, в Кубке

УЕФА Динамо-Киев и Динамо же, но Тбилиси, никаких достижений за ними тоже не последует, единственным исключением будет Динамо-Москва в Кубке кубков, оно должно аж до полуфинала пройти. А конкретно про этот матч с Айнтрахтом ничего не помню, но по итогам двух матчей должны киевляне вылететь.

Ну так все и оказалось – немцы в середине первого тайма закатили дурацкий гол после ошибки вратаря, а через несколько минут Веремеев красиво ответил после паса Колотова, 1:1. Форма футбольная мне показалась необычной, тесной что ли какой-то, майки приталенные, трусы короткие и тесные, сейчас все это более эргономично делают. И игра была довольно скучной, никаких хитроумных комбинаций я не увидел, перепасы и передачи через половину поля, но ребятам, особенно подогретым самогоном, вроде понравилось, болели они отчаянно и громко, так что к нам заглянула на огонек, ну кто бы вы думали? Правильно, Ирка-медичка.

– Ну чего стоишь в дверях, заходи, садись – о делах наших скорбных покалякаем, – сказал я, разливая остатки самогона по стаканам (рюмок в этом доме я так понимаю сроду не водилось)

– Чего это сразу скорбных-то? – возразила сходу Ирка, принимая впрочем приглашение зайти, – нормально вроде все пока.

Ну да, это я забыл, что «Место встречи», откуда вышла эта знаменитая фраза, пойдет на экранах только через пару лет. Ладно, не страшно, продолжаем так сказать разговор, как говорил великий Карлсон с пропеллером.

– Ну тогда вздрогнем что ли? За здоровье присутствующих здесь дам!

Выпили, закусили картошкой (однообразная все же у нас еда, надо бы что-то придумать).

– Так чего там у тебя с Павликом и Антошей приключилось?

Однако Ириша говорить о своих шашнях с этими друзьями наотрез отказалась, насупилась и разговор далее не поддерживала. Через полчаса она собралась уходить, а перед уходом сказала мне:

– Сережа, не проводишь меня, а то темно на улице?

Все остальные понимающе заушмылялись, подмигивая мне поочередно разными глазами. Да думайте что хотите, похер, подумал я, а вслух сказал:

– Ну ясен пень провожу, на улице же такая темень, заблудишься еще!

По дороге прояснился внезапный интерес ко мне Ирки – боялась она, что партизан Антоша подкараулит ее где-нибудь, ну и сделает с ней чего-нибудь. А поскольку про меня тут все говорили, что я такой типа непобедимый боец и Антошу уже один раз заборол, то может я соглашусь побыть некоторое время ее телохранителем?

– А что мне за это будет? – немедленно поинтересовался я.

– А что ты хочешь?

Я поиграл в уме возможными хотелками, мысленно урезал их втрое и сказал просто:

– А покажи для начала сиськи, Ирэн.

Ирэн как-то резко вспыхнула лицом, что было видно невзирая на темень, потом схватила меня за руку, затащила за очередной сарай, расстегнула ватник и задрала вверх рубашку:

– Ну смотри.

Лифчика она не носила... да, осмотреть там было на что – очень такая хорошая уверенная тройка, соски небольших размеров, ну отвисало чуть вниз, но совсем немного. Я наклонился, поцеловал по очереди оба соска, потом опустил рубашку вниз:

– Простудишься еще.

– И как впечатление? – спросил все еще красная Ирка.

– Да все в порядке, что хотел, то и увидел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.